

Я занимаюсь тем, что мне подвластно

Пейзаж был самый романтический: ночь, улица, фонарь... и Михаил БОЯРСКИЙ, усталое идущий в свою гостиницу. А тут еще корреспонденты в холле поджидали...

— Михаил Сергеевич, вы когда-нибудь отдыхаете?

— В поездах. Я вообще предпочитаю самолету поезд. Причем чем дольше ехать — тем лучше, ведь только там я могу отдохнуть. Люблю, когда качает вагон, люблю смотреть в окно. И все было бы хорошо, если бы не постоянное общение с пассажирами. Заходят и сразу: "Почему в черном?", "Почему в шляпе?"... Предлагают выпить и очень обижаются, когда отказываешься. Когда же удается скрыться ото всех, тогда я готов засесть в поезд надолго.

— И часто это сейчас у вас получается?

— Не очень. Это раньше я просто жил в поездах. Не было такого проводника или начальника поезда, которого бы я не знал. Помоему, я несколько раз вокруг земного шара объехал. В основном это были поездки по маршруту Москва — Петербург — Москва, ну и поездки на юг, конечно.

— Вы как-то говорили, что в вас осталось еще много детского. Ваша любовь к романтике, к приключениям — отсюда?

— Наверное, как и у каждого человека. А вообще самое интересное, что человека может ожидать в жизни, — это приключения. Обыденная, размеренная жизнь хороша, но иногда такая тоска берет по неожиданным поворотам, по зигзагам житейским, что хочется чего-то повеселее, поэкстремальнее.

— А экстремальные ситуации на съемках у вас бывали?

— Пожалуй что нет. Были какие-то травмы, связанные с фехтованием или падением с лошади, но ничего такого, чтобы можно было бы этим гордиться и повсюду рассказывать об этом.

— А какие трюки вы делали самостоятельно?

— На мотоцикле из самолета я не прыгал, могу сказать точно. Мои трюки зачастую были обусловлены скудностью бюджета картины и, как следствие, невозможностью оплатить работу профессионала. В "Мушкетерах", скажем, я падал с высокого балкона на коробки изпод обуви, накрытые сеном (такие коробки считаются наиболее безопасным амортизатором). Три дубля сделал. Страшно, конечно, было, но на меня же все смотрели — группа, друзья, зеваки...

— Раз уж мы заговорили о "Мушкетерах", то не расскажете ли о том, как вас выбирали в д'Артаньяна?

— Пробы происходили в Одессе. Был я не первым д'Артаньяном, а десятым или пятнадцатым. Мы пробовались вместе с Игорем Старыгиным. И, собственно, я не очень рассчитывал получить роль д'Артаньяна, потому что вначале мне предлагали Рошфора, Атоса и других. Такие метания из стороны на сторону были малопонятны, но уж пробоваться — так на д'Артаньяна. Я поехал в Одессу, и — о чудо! — меня утвердили. Вероятно, сыграло свою роль то, что Дуневский знал о моем музыкальном образовании и что я смогу петь его песни сам, а не чей-то голос за кадром зазвучит. И младше я был всех остальных мушкетеров — все как в романе Дюма.

Интересно, что первоначально Георгий Юнгвальд-Хилькевич планировал на роль д'Артаньяна при-

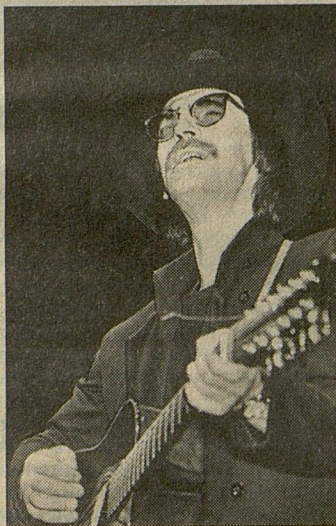

Фото А. ШТЕЙН

гласить Высоцкого и под него подбирали всех остальных актеров. А в последний момент Высоцкий сказал, что стороват для этой роли. Может быть, у него были какие-то дела, семейные или творческие, — не знаю. После этого начались метания группы, ведь все было поставлено на Владимира Семеновича! Он должен был сам писать и песни для фильма... Себя же я помню в истории "Мушкетеров" с того момента, когда приехал на пробы в Одессу, познакомился с Игорем Старыгиным и мы стали друзьями. А потом приехали Валя Смирнитский, Вениамин Смехов, и стали уже работать.

— А с финалом мушкетерской эпопеи, который вы хотели снимать, как на нынешний момент дело обстоит?

— Если уж нашей стране конец пришел, то и фильму тоже. Как только мы начнем выходить из этой ямы, тогда и будет разговор о кино. Сейчас даже те фильмы, которые отсняты наполовину, закрыты и, наверное, надолго. Потому что денег нет и, как говорят, не будет. Рассчитывать же на то, что придет серьезный спонсор и скажет, что только нашему фильму о мушкетерах он дает деньги, трудно. Но д'Артаньян умер в 64 года, так что шанс у меня еще есть... Ну а как сфера деятельности, не требующая особых затрат, у меня остался театр.

— И что у вас сейчас в театре?

— Мы — Мигицко, Алехасина, Луппиан и ваш покорный слуга — играем пьесу Нозля Каурда. Они много работают помимо этого спектакля, я же занят только в нем. Мы играем его четыре-пять раз в месяц. И зрительный зал полный, и мы довольны. Со своим спектаклем ездим по городам.

— Как все-таки вы относитесь к своим "отрицательным" ролям? В "Гардемарирах" ваш де Бриль вроде бы отрицательный, а полстраны переживало за него.

— Более "спрессованно-романтическую" работу трудно представить: и погони, и драки, и любовь, и смерть — полный набор. Я очень рад, что получил эту роль.

— Кстати, могу процитировать хорошие слова одного из ваших партнеров по "Гардемаринам" Дмитрия Харатьяна:

"Михаил Боярский — прекрасный человек. Надежный, глубокий, философичный, артист великопленный. Мы с ним живем в разных городах, но от ощущения того, что мы живем в одно время, мне как-то спокойнее".

— Что ж, спасибо. У нас с Димой разные актерские школы, мы можем по-разному мыслить как артисты, но по-человечески, когда это не касается работы, — он удивительно приятный парень. Спокойный, размеренный, умный, с хорошим воспитанием и с большим чувством юмора. Мы с ним часто оста-

вались вдвоем и не скучали. С ним хорошо. При всем при том, что век довольно трудный, коммерческий и к людям прилипает всякая гадость, к нему она не липнет.

— Вам не хотелось бы сняться в современном приключенческом фильме?

— Хотеть — мое право, но никто не предлагает. Я понял, что сегодня либо ты сам снимаешь, либо платишь кому-то, чтобы тебя снимали, либо бессмысленно ждешь, когда тебя пригласят. Приглашать меня никто никуда не собирается, и поэтому я занимаюсь тем, что мне подвластно. А подвластно мне записывать песни (у меня есть аудиостудия, где я могу это делать), играть в театре и ставить там пьесы. Может быть, остается еще и телевидение. Кино же стало для меня искусством, недоступным по коммерческим соображениям.

— Досуг свой как проводите?

— Семье стараюсь уделять по возможности больше времени. А так — это рок-н-ролл: записываю пластинки, репетирую с ребятами. К счастью, времени свободного нет. Видите: мы сидим в три часа ночи, и я даю вам интервью. А все потому, что день у меня расписан буквально по минутам. Завтра примерно то же самое, вечером мы уезжаем в Алма-Ату, играем спектакль там, потом в Караганде. В Петербурге у меня запланирован "Музыкальный ринг" с группой "Несчастный случай" (должен быть, во всяком случае), мой творческий вечер в университете, потом три дня подряд — съемка передачи "Боярский двор".

— А поподробнее о своих последних музыкальных работах расскажете?

— Последним вышел альбом "Рассказ подвыпившего бомбардира". В него в основном вошли романтические пиратские песни на стихи Валерия Скрипникова, чудесного петербургского поэта. Он очень ждал выхода этого альбома, но, к сожалению, не дождался — утонул. Было ему 33 года.

Сейчас я закончил запись альбома из двенадцати песен А.Иванова и Д. Рубина и не знаю, что с ним делать. Я вообще, честно говоря, не торгую своими пластинками. В перспективе — запись альбома (второго) с рок-группой "Сильвер"; постараюсь переложить на музыку несколько оставшихся стихов Скрипникова, чтобы потом включить их в какой-нибудь новый альбом.

Выходил еще двойной альбом "Мои лучшие песни", но я к нему не имею никакого отношения — он целиком ворованный. Я в жизни никогда не называл бы так альбом, да и песни эти далеко не лучшие. Кто-то заработал на мне деньги... Бог с ними.

— Спортом занимаетесь?

— Нет, надо все-таки в жизни выбрать что-то одно.

— А форму как же поддерживаете?

— Никак. Пока есть — слава Богу, исчезнет — что ж, все под тем же Богом ходим.

— У вас живность в доме имеется?

— Кот Пуша. Я как-то в Нижнем Тагиле брякнул со сцены, что мои дети просили к Новому году котенка, так мне в гостиницу притащили столько котов! Я выбрал самого крохотного, и вот он до сих пор живет у меня. Когда я принес котенка домой, то предложил назвать его похороше — Кардинал, Атос или Сильвер, к примеру. А мой: "Он такой пушистый, пусть будет Пуша". Ну, Пуша так Пуша. Сейчас он живет у нас как родственник.

Беседу вел
Валерий БРОК